

An impressionist painting of a dense field of flowers, likely chrysanthemums, in various colors including yellow, pink, and blue. The brushstrokes are visible and textured.

Екатерина

Уильямс

Со всей дури!

Екатерина Николаевна Вильмонт

Со всей дури!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034010

Со всей дури! / Екатерина Вильмонт: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-089183-2

Аннотация

После пережитой трагедии и горького разочарования Лада Гудилина начинает новую жизнь. И встречает новую любовь, внезапную, счастливую, **СО ВСЕЙ ДУРИ!**

Но мало-помалу вокруг нее сгущается ненависть, словно расплата за счастье.

Так что же победит: ненависть или любовь?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	26
Часть третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Вильмонт

Со всей дури!

© Вильмонт Е. Н., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Настоящему индейцу
Завсегда везде ништяк!*

Из песни группы «Ноль»¹

¹ Авторы Ф. Чистяков и П. Струков.

Часть первая

Одни руины

– Я больше не могу, у меня сил уже не осталось. Зачем все это? Девять дней, сорок дней... Все кончается банальной пьянкой, никто уже не помнит, зачем собрались... Мама, я...

– Лада, деточка, послезавтра все это закончится.

– Но это же еще надо пережить.

– Переживешь, моя девочка. Если уж смерть Андриюшину пережила...

– Мамочка, мы с ним неверующие были. Он бы этого всего не хотел.

– Но его мать хочет. Она потеряла сына, единственного. И с этим нельзя не считаться. Ты еще молодая, тридцать два всего, еще найдешь свою любовь и замуж выйдешь, а матери что остается? Ты же умная, хорошая девочка. Ну, так принято. Потерпи.

– Потерплю, – вздохнула я. – Потерплю. Но потом начну искать работу.

– Конечно, только, прежде чем начать поиски, уезжай куда-нибудь из Москвы.

– Зачем это? – страшно удивилась я.

– А чтобы морщинки эти скорбные разгладились.

– Мама!

– Поверь, так лучше будет. Тут в соседнем доме твоя све-
кровь живет, и уж она непременно подметит любую улыбку.

– Мамочка, если бы ты знала, как у меня все внутри бо-
лит... Я так любила Андрея... И он меня. Я считала, что вы-
тащила в жизни счастливый билет... Так при чем тут мор-
щинки?

– Деточка, горе штука тяжелая. И оно никуда не денет-
ся, пока не притупится боль. Но траур носить уже не нужно.
И ты уже думаешь о работе, о новой жизни, а начинать новую
жизнь надо с улыбкой. Вот и поезжай куда-нибудь, где тебя
никто не знает, и научись снова улыбаться. И еще – подумай
о том, чтобы поменять квартиру.

– Квартиру? – ужаснулась я. – Нет, я была здесь так счаст-
лива... – Я заплакала. – Нет, ни за что!

– Ну, как знаешь. Если надумаешь, Пашка тебе во всем
поможет.

Пашка – мой племянник, сын моей старшей сестры.
Мы с ним друзья.

– Да, и вот еще что... Не нужно ничего готовить.

– Как? – ахнула я.

– Я заказала пироги в «Штолле», капустные и мясные. За-
куски Ксюша купит, у них рядом потрясающая кулинария,
добавишь свежий огурчик в оливье, и дело с концом. А какой
там студень, совершенно домашний. А ты только запечешь
телятину для отвода глаз, – слегка улыбнулась мама. – Ма-
рия Афанасьевна будет довольна. И мы ей скажем, что это

мы с Ксеньей готовили.

Эта мысль сперва показалась мне чуть ли не кощунственной, но мама ведь просто хотела облегчить мне столь нестерпимое для меня мероприятие.

– Мамочка, а как мне... – только начала я.

– Я знаю, что ты хочешь спросить. Как тебе избежать коллективного выезда на кладбище, да?

– Да! – Вот что значит мама...

– Позвони Марии Афанасьевне и скажи, что поедешь на кладбище рано утром, одна.

– Она обидится.

– Я поеду с ней.

– Мама!

– Я завтра сама ей позвоню и сама все скажу.

– Господи, мамочка, что бы я без тебя делала.

– Пользуйся, пока я жива.

– Мама!

– Ну прости, прости!

Едва я вошла в свою квартиру, как позвонил Пашка.

– Тетка, привет! Ты как?

– Что ты спрашиваешь? Ясно же.

– Мать сказала, что они с бабушкой берут это мероприятие на себя.

– Да, спасибо им.

– А от меня что-нибудь требуется?

– Да нет, наверное...

– А тяжести таскать?

– Какие тяжести?

– Воду, водку и т. д.

– Ой, Пашенька... Конечно.

– Напиши список, чего и сколько, я через полчаса заеду.

– Хорошо. Заезжай.

Через сорок минут он заехал. Красивый и, главное, удивительно добрый и хороший парень. В его чудных серых глазах читалось искреннее сочувствие.

– Список составила?

– Вот!

– Ого! Таскать не перетаскать. Тетка, а кофейку сделаешь?

– Ты голодный?

– Ну, что-нибудь бы съел...

Я открыла холодильник. Там было практически пусто.

– Да, в твоём холодильнике не одна мышь повесилась, а целое мышинное семейство. Вот что, тетка, поедешь со мной, без разговоров. Тебя необходимо покормить.

– Паш...

– Ничего не Паш! Подчиняйся, женщина. А то применю грубую физическую силу. Ты же знаешь, я могу. Сгрэбу тебя в охапку, не вырвешься, и отволоку в машину. А Мария Афанасьевна сослепу решит, что тебя уже на руках носит чужой мужчина. Тебе это надо?

Я поневоле улыбнулась. И есть вдруг захотелось.

– Ладно, поехали. А тебе не запахло с такой чувырлой появляться?

– Тетка, ты дура!

– Да, наверное...

Он привез меня в большой торговый центр и повел в симпатичное кафе, где вкусно пахло свежей выпечкой.

– Только не думай, что отделаешься каким-то жалким пирожным. Ты у меня съешь нормальный обед. Здесь порции не очень большие, но все вполне вкусно. А потом мы вместе пойдем и все закупим. Скажи, тетка, ты не думаешь вернуться на работу?

– Думаю. Еще как думаю. Но...

– Знаешь, у меня есть идея!

– Господи, Пашка, какая счастливая будет твоя жена.

– Ну, я пока не спешу с этим делом. Еще погулять охота. А тебе неинтересно, какая у меня идея?

– Почему, интересно.

– Так вот, фирма, в которой я сейчас подвизаюсь, явно нуждается в твоих услугах. И я уже начал подготовительную работу.

– Боже мой!

– Да, я исподволь внушаю нашему гендиректору мысль о том, что фирме нужен такой специалист, как ты.

– Ничего себе! А гендиректор что? Слушается?

– Он созревает.

– А что там с фирмой-то?

– Понимаешь, он мужик неглупый, креативный, но из провинции... Нувориш. В людях неважно разбирается. Не умеет с людьми.

– Да, пожалуй, это мой клиент. Правда, я два года не работала...

– Да ладно! Справишься! Ты пока приходи в себя. А там он, глядишь, и дозреет.

– Твоя бабушка советует мне после сороковин куда-нибудь уехать...

– Бабуля самая мудрая женщина на свете! И вообще, ты хоть высококлассный специалист, но на данном этапе явно нуждаешься в руководстве. Вон, поела и уже похожа на человека, а не на бледную тень. И я тоже считаю, ты должна куда-нибудь слинять. В какой-нибудь совсем незнакомый город. У тебя бабки-то есть?

– Да, бабки есть.

– Вот, поезжай в какой-нибудь большой незнакомый город, гуляй там, прошвырнись по магазинам, пошатайся по кафешкам и забудь хоть на время, что ты вдова. Ты интересная молодая женщина...

– Перестань! – поморщилась я.

– Ну, хочешь быть вдовой, будь, но помни – жизнь продолжается!

– Ишь ты, мудрец!

– Нет, я не мудрец, я, считай, еще младенец, устами которого глаголет истина.

Я невольно рассмеялась, впервые за долгое время.

– Знаешь, Пашка, мне и вправду стало чуть-чуть легче.

– Почему?

– Потому что ты не смотришь на меня со скорбным видом, не вздыхаешь сочувственно... С тобой я вспоминаю, что я еще живая...

– Ох, тетка! Ну что, мне продолжать окучивать шефа?

– Да, продолжай! – решительно заявила я.

– Молодчина!

– Ну спасибо тебе, друг! Пошли скупляться, как говорила одна моя знакомая.

– А народу много будет, судя по списку алкогольной продукции?

– Человек сорок, наверное...

– Ого! Вроде на девятинах меньше было?

– Да, но тогда с Андриюшиной работы почти никого не было, у них был корпоративный выезд в Турцию.

– А, понял. Ну, ты держись!

– Постараюсь.

– Я раненько заеду, помогу со столами и стульями...

– А я с самого утра поеду на кладбище.

– А твоя свекровь?

– Бабушка обещала поехать с ней.

– Молодец, бабуля. Как же я люблю всех баб нашей семьи.

И поэтому, наверное, никогда не женюсь. Где теперь таких сыскать!

С самого утра меня точила тревога. Это началось еще на кладбище. Мне даже почудилось, что за мной кто-то следит. Но сколько я ни озиралась, никого не заметила. Нервы, наверно, гуляют. И немудрено... В такси все время пыталась обнаружить за собой «хвост», но никакого «хвоста», разумеется, не было. Господи, до чего я не люблю все эти обязательные ритуалы. Знала, что днем будет прорва народу, и не смогла спокойно посидеть на могиле.

– Прости, Андрюша, – сказала я и ушла. Могла и не ездить. Завтра поеду.

Какие-то незнакомые женщины с работы Андрея помогали накрывать столы.

– Лада Владимировна, – обратилась ко мне одна из них, – боюсь, приборов не хватит...

– Да? Хорошо, я поднимусь к соседке, возьму у нее.

Соседка Дина сразу спросила:

– Чего-то не хватает, Ладочка?

– Да, приборов почему-то не хватает.

– Очень много народу?

– Ну да! С его работы понабежали какие-то тетки. Я их и не знаю. Ты-то придешь?

– А как же! Так жалко Андрея... Золотой мужик был.

Сколько тебе приборов?

– Десяток наберется?

– Обижаешь! И два десятка, если надо, есть.

– Давай дюжину!

– Только ножи и вилки?

– Да вроде... Хотя нет, и столовые ложки тоже. Свекровь сварила бульон...

– Ладка, ты чего такая? Я все понимаю, но ты что, транквилизаторами накачалась?

– Да нет, почему?

– Какая-то ты заторможенная. Хотя чему удивляться? Знаешь что, я сейчас сделаю тебе чашку крепкого кофе, выпьешь, оживешь. Тебе силы сегодня понадобятся.

– Да некогда мне...

– Это пять минут. Сядь. Ты сегодня что-нибудь вообще ела?

– Кажется, нет.

– Понятно! Сейчас поправим положение.

Она быстро сварила мне кофе и сделала бутерброд с докторской колбасой.

– Вкусно.

– Еще сделать бутер?

– Давай!

После кофе и двух бутербродов у меня и впрямь появились какие-то силы.

– Я пойду с тобой, тоже помогу, чем смогу.

– Да не надо, мама все готовое купила. И салаты, и пироги... Да свекровь еще что-то наготовила... А баб на кухне – не протолкнуться. Ты просто приходи к трем.

– Ну, как знаешь. Но если понадобится, звони.

Я не стала вызывать лифт, пошла пешком. На лестничной площадке между этажами курили две женщины. До меня донеслась фраза:

– Все-таки ты сволочь, Дашка. Зачем ты-то сюда приперлась?

У меня вдруг занялось дыхание. Я замерла.

– Разве непонятно?

– Мне – нет. По-моему, это просто подло!

– Да почему? Я любила его, и он меня любил. Имею я право проститься с ним?

– И для этого обязательно приходиться в его семью и жрать за столом с его обманутой женой?

Боже, о чем они говорят? Кто обманутая жена? Я?

– А она, между прочим, ничего, стильненькая... И фигура хорошая. Но любил-то он меня!

– Ну, вряд ли сильно любил. Трахать он тебя любил...

– И это тоже.

– Если б любил, ушел бы от жены, детей у них нет.

Но не ушел ведь.

– Просто не успел. Мы уж с ним говорили про это. Собирались квартиру покупать. В новых районах в новостройках совсем недорого можно двушку купить.

Я стояла ни жива ни мертва.

– То есть он собирался сперва обустроить гнездышко, а уж потом жену бросить?

– Именно!

– Знаешь, о покойниках нельзя плохо говорить, но я удивляюсь...

– Чему ты так удивляешься?

– Неужели Андрей был такой скотиной?

– Да нет, просто, как говорится, пестик нашел свою тычинку.

Меня затошнило. Голова закружилась и я едва не выронила приборы. Больше я ничего не слышала. Я быстро спустилась к ним, глянула на эту тварь. Она побледнела.

– Вон отсюда! Чтобы я больше никогда о тебе не слышала! Вон пошла!

Я говорила очень тихо, и от этого, наверно, мои слова прозвучали угрожающе.

– Лада Владимировна! – испуганно воскликнула собеседница этой курвы. – Она сейчас уйдет!

– Да уж, будьте так любезны проследить...

– Прослежу, не сомневайтесь!

Я вошла в квартиру и сразу наткнулась на сестру.

– Ладка, ты куда запропастилась? Ой, что с тобой?

– Ничего. Нервы!

Я взяла себя в руки. Огорчать сестру сделанным только что открытием я ни за что не хотела. Я сказала себе: надо

пережить этот день. А там посмотрим...

Вдруг откуда ни возьмись появился Пашка.

– Тетка, надо поговорить. Пошли на балкон!

– Ну, пошли! Что у тебя стряслось?

– Сейчас скажу... Только помнишь, что ты мне сказала в детстве, когда я ногу кипятком обварил? И от боли на стенку лез?

– Ну, помню.

– Так вот, с тех пор это у меня девиз: «Настоящему индейцу завсегда везде ништяк»!

– Ты это к чему, Пашенька?

– Тетка, я, по ходу, слышал тот же разговор, что и ты. Только ты была выше на пролет, а я ниже... И я проследил, чтобы этой лярвы духу здесь не было.

– Но ее отсутствие ничего не отменяет, Пашка.

– Чего не отменяет? – не понял он.

– Ее присутствия в жизни Андрея. А это так мерзко... и так больно...

– Ты поплачь.

– Слез почему-то нет... Комок в горле стоит... а плакать не получается... И ведь надо еще выдержать эти поминки...

– Настоящему индейцу... сама знаешь!

– Но я-то не индеец, Пашенька!

– Ты не индеец? Да ты самый индейский индеец из всех, кого я знаю!

– Понимаешь, тут ведь все будут говорить, какой он был

замечательный, без страха и упрека... И я тоже в это верила...

– Просто потому, что хотела верить, – тихо проговорил он.

– Пашка, ты еще что-то о нем знаешь?

– Да нет... что ты... – как-то вяло и совершенно неубедительно пробормотал он.

– Пашка, лучше скажи!

– Да нечего мне говорить. Все, хватит нам тут шушукаться, а то злые бабы еще подумают, что у нас в семье инцест.

– Совсем сдурел?

– Нет, просто уже маленько знаю баб...

Но тут на балкон вышла сестра.

– Пашка, ты чего тут Ладе голову дуришь?

– Ничего я не дую! Просто объясняю кое-что.

– Небось насчет индейцев? – улыбнулась Ксюша.

– Именно!

– И как, помогает?

– Кажется, да, помогает... – сказала я. И пошла к гостям, как на Голгофу.

...Я пережила это день, наверное, просто потому, что я живучая. И сработал инстинкт самосохранения. Я просто застыла. Похоже, никто этому особенно не удивлялся, только мама поглядывала на меня с тревогой, да Пашка, сидевший напротив, глазами подбадривал меня. До чего же золотой парень...

Наконец, гости ушли, правда, перебив всю посуду. Оста-

лись только мама и Ксюша. Они решили, что переночуют у меня.

Когда мы привели все в порядок, мама сказала:

– Девчонки, я умираю с голоду. Мне на поминках всегда кусок в горло не лезет. И тебе, Ладоска, надо что-то съесть, а то еще хлопнешься в обморок. Ксюня, достань там что-нибудь из холодильника.

Сестра быстро накрыла стол на кухне.

– Ладоска, говори, что стряслось! – потребовала мама. – Ты даже на девятинах была совсем другая.

– Мам, – вмешалась Ксюха, – ты же понимаешь – сорок дней – это все-таки этап...

– Да ладно, я что, свою дочь не знаю? Скажи, ты узнала об Андрее что-то плохое? Да?

– Мама! – всплеснула руками Ксюша.

– Да что мама! Я знаю, что говорю!

– Мама, но откуда... – прошептала я.

– Да он же был тот еще кобель, твой любимый Андриушенька.

– Ты знала?

– Кое-что знала, кое о чем догадывалась... Я просто надеялась, что он перебесится...

– Господи помилуй! – осенила себя крестом сестра.

– Мама, но почему же ты молчала?

– Ладоска, деточка моя, ты же так его любила! Не могла я... И не хотела вносить разлад... Хуже нет лезть между

мужем и женой. Тебе сегодня кто-то что-то сказал?

– Не мне, но я услышала... Эта девка посмела явиться сюда...

– А ты?

– А я ее выгнала.

– Боже, что за люди теперь... Ни стыда, ни совести... И ведь ее наверняка привела сюда не любовь, а любопытство.

– Это уж точно, – кивнула сестра.

– Мама, Ксюха, умоляю вас, давайте прекратим этот разговор. Я не хочу... Не могу... Я должна сама со всем этим разобраться...

– Господи, ты собираешься с ней разбираться? – испугалась сестра.

– Еще чего! Много чести! Я должна разобраться с собой, со своими чувствами. И, главное, найти работу.

– Я вообще не очень поняла, почему ты работу бросила? – спросила сестра.

– Андрей настаивал. Я бы не поддалась, но фирма накрылась, и я не стала искать новую работу. А сейчас мне Пашка предлагает попробовать у них на фирме... Говорит, их начальнику позарез нужна моя помощь.

– Ладка, знаешь, я иногда даже ревную Пашку к тебе... – призналась сестра. – Он так тебя обожает! И, насколько я понимаю, с тобой он делится своими секретами, а со мной никогда.

– Ты ему, наверное, нотации читаешь, девчонок отбрако-

вываешь...

– Ну ты скажешь... – покачала головой сестра. – Но я же мать... И я не могу допустить...

– Вот-вот! – улыbnулась мама. – Ты вспомни, я вас вполне демократично воспитывала, и вы у меня обе вполне задались. Ксения в отца, занудничать любит. А ты, Ладоска, и впрямь иди на работу. Только сначала надо привести себя в порядок. А то в таком виде тебя никто не возьмет. Кому может помочь депрессивный психолог? Да и кто такому поверит?

– Но Пашка говорит, надо спешить...

– Тогда я знаю, что делать! – загорелась мама. – Завтра ты еще приходи в себя, а я займусь организацией...

– Какой организацией?

– Организацией реанимации депрессивного психолога. И вот еще что... Перебирайся пока ко мне.

– Зачем?

– Подальше от глаз твоей свекрови. Она же будет ревниво следить за тем, как ты одета, как ты выглядишь и все такое...

– Правда, Ладка, перебирайся к маме пока. Это правильно.

– Мамочка, Ксюха, вы что, и вправду думаете, что я через два дня уже буду в состоянии...

– Будешь! Должна! Надо жить дальше. Да, ты потеряла мужа. Это прискорбно, но, между прочим, лучше так, чем если бы он тебя бросил ради молодой сучонки! – горячо

воскликнула сестра.

– Нет! Пусть бы он жил. Так вообще нельзя рассуждать, это грех... – рассердилась мама. – И потом, Ладка, то, что ты узнала сегодня... вероятно, может каким-то образом примирить тебя...

– Короче, вы обе хотите мне сказать, что настоящему индейцу завсегда везде ништяк?

– Вот именно!

Ночью я глаз сомкнуть не могла. Восемь лет счастливого брака вмиг превратились в труху. Я пыталась внушить себе, что несмотря ни на что Андрей любил меня. Меня, а не своих девок. Но, значит, не очень-то и любил, раз девки водились? А я никогда ничего не замечала... Или не хотела замечать? Вот мама, кажется, замечала. А я – нет. Но если он меня не любил, то зачем же жил со мной? Или он был из породы мужиков, которые органически не в состоянии хранить верность? Но он был здорово ревнив. И холодности с его стороны я никогда не чувствовала. А может, это потому, что у меня не может быть детей? Но он всегда внушал мне, что в наше такое трудное время заводить детей страшно. А эта девчонка красивая... Такая экзотическая внешность... Да, она может свести с ума мужика... Запросто! Но ведь и я не на помойке нашлась. Я всегда нравилась мужчинам. А Андрей просто ушел из дома и не вернулся... Попал в аварию, и я ездила опознавать его труп. Как я не рехнулась тогда? Я при-

слушалась к себе. Интересно, боль от потери стала меньше после того, что я узнала вчера? Нет. Нет!!! Она удвоилась. Я потеряла его второй раз! Но, как ни странно, я чувствовала, что с этой, второй, болью я уже смогу жить без него. Что это? Горькая обида? Или уязвленное самолюбие? Известно, эта боль самая больная. А мое самолюбие уязвлено. Еще как! И боль почти нестерпимая. Но жить все-таки стоит! Мало ли... Вдруг удастся когда-нибудь утереть нос этой наглой экзотке? Да, теперь она для меня всегда будет наглой экзоткой! А я – настоящим индейцем! Я не выйду на тропу войны, но и трубку мира раскуривать не стану. Я просто постараюсь забыть! И о ней, и о... нем! Так будет лучше.

...Утром я собрала сумку и отнесла ключи Дине.

– Куда это ты собралась? – спросила она.

– К маме. Поживу пока у нее.

– Вот это правильно. А цветы я буду поливать. Не беспокойся. Знаешь, я вчера слышала...

– Понравилось?

– Ладка, зачем ты так? Просто я подумала, может, это и к лучшему... Я и раньше видела тут эту девку, он приводил ее сюда, когда ты в Чехии была.

Я похолодела.

– Дин, ты уверена?

– Уверена. Она очень приметная.

– Почему не сказала?

– Я не доносчица. И меня это, собственно говоря, не каса-

ется. Просто противно стало. Я сама с мужем развелась из-за того, что он свою бабу домой водил. А ты не упивайся горем. Ищи работу. Живи своей жизнью.

– Я постараюсь.

Нет, в эту квартиру я больше не вернусь. Поживу пока у мамы, а через полгода продам ее к чертовой бабушке. Как подумаю, что он спал с ней в нашей постели, что она мылась в нашей ванной... К горлу подступает тошнота. И к сердцу... От нашей с Андреем жизни не осталось ничего... Машина вдребезги... Квартира опоганена... И память о нем тоже опоганена...

– Мама, я к тебе!

– Вот и чудесно! Живи, сколько хочешь.

– Мамочка, я ту квартиру продам.

– Правильно!

– Но это потребует времени. Полгода.

– Не думаю! Квартира-то по документам твоя. Это не совместно нажитое имущество, а подарок твоего отца к вашей свадьбе. Так что хоть завтра продавай! И надо подыскать тебе новую квартиру поближе ко мне.

– Мамуля, а может, съедемся, а?

– Ни в коем случае!

– Почему?

– Тебе нужна отдельная квартира. Ты еще и романы крутить будешь, и замуж выйдешь...

– О нет, благодарю покорно!

– Там видно будет, – грустно улыбнулась мама. – Идем на кухню, я сделала твой любимый протертый суп. И ватрушку испекла.

– Мамочка!

Как ни странно, поела я с аппетитом. Когда мы уже пили кофе с ватрушкой, я вдруг спросила:

– Мама, скажи... А папа... он тебе изменял?

Мама рассмеялась.

– А как же!

– И ты прощала ему?

– Да, прощала. Но он делал это очень, я бы сказала, изящно. И я точно знала, что любил-то он меня, а девки... это было так, для поддержания тонуса. И я тоже ему изменяла, и тоже для тонуса. А в результате у нас был вполне гармоничный брак. Мы вырастили двух чудесных дочек. И когда он умер, никакая грязь не всплыла... Он был прелестным человеком, твой отец.

– И у вас даже речи о разводе не заходило?

– Да нет же!

– Мама, а ты... ты изменяла папе... без любви?

– Нет, была у меня любовь. И я бы ушла... Но...

– Тот человек не хотел на тебе жениться?

– Хотел. Очень хотел. Только он был испанец. Его мать привезли в Союз еще совсем крохой, она была из тех испанских детей... И он собрался вернуться в Испанию. Звал ме-

ня с собой, но у меня уже была Ксюха. И я бы лишила ее не только отца, но и родины. Для нашего поколения это был не пустой звук. И он уехал, а твой отец... он что-то почуял. Он ужасно боялся меня потерять.

– А тот человек? Ты с ним еще виделась?

– Нет. Он уехал и сгинул. Он очень обиделся тогда. И потом для него началась совсем новая жизнь, а это всегда непросто. И ему, видно, было не до меня. А я через полтора года тебя родила. И уже никуда не стремилась. И папа успокоился. Он вас обожал. И мы прекрасно жили. Тем более что после перестройки он смог реализовать себя, его идеи понадобились. Он консультировал многих крупных бизнесменов, ему за это прекрасно платили. Работал с утра до ночи, и не до гулянок ему стало. Знаешь, в советское время мужики зачастую спивались и пускались во все тяжкие из-за невозможности себя реализовать...

– Да, я об этом слышала.

– Ничего, Ладоска, и у тебя еще все будет хорошо. А завтра мы поедem в салон красоты и по магазинам. Не будем откладывать начало новой жизни.

– Да, мама, правильно, тем более что позади одни руины...

Часть вторая

С чистого листа

Через несколько дней после переезда к маме я была практически готова к трудовым подвигам. С утра до ночи занималась аутотренингом и приведением себя в надлежащее состояние. Об Андрее я почти не вспоминала, удалось заблокировать память. Все в прошлом. Я начинаю с чистого листа...

Пашка заехал за мной.

– Ну, тетка, поехали! Выглядишь отпадно. Не будь ты моей теткой, я бы на тебя запал...

– Боже, какой ты пустомеля!

– Ничего не пустомеля! Просто ты объективно классно смотришься. Я тобой горжусь!

– Гордиться будешь потом, если у меня...

– Не если, а когда у тебя все получится!

Мы подъехали к внушительному зданию, где помещалась фирма, в которой работал он и предстояло работать мне. Я вдруг оробела.

– Ништяк! – сказал Пашка. – Вперед и с песней.

Мы поднялись на лифте на тринадцатый этаж. И я вдруг успокоилась. Тринадцать – мое любимое число.

Юная красотка секретарша доложила о нашем приходе.

– Заходите!

Кабинет шефа был огромен. Сам он терялся где-то вдали.

– Помни – ты настоящий индеец! – шепнул Пашка.

Шеф, еще молодой мужчина, не встал. Видимо, просто не знал, что надо. Ничего, я тебя вышколю, задорно подумала я.

– Присаживайтесь, пожалуйста. А ты, Павел, свободен.

Пашка едва заметно пожал плечами и удалился.

Шеф с интересом меня рассматривал. Молчание затягивалось. Пора брать быка за рога.

– Итак, вам понадобились мои услуги.

– Совершенно верно. Вас как звать-то?

– Лада Владимировна. А вас?

– Юрий.

– А отчество?

– Юрий Александрович. Только зачем нам отчества?

– А это избавляет от ненужной фамильярности. Помогает держать необходимую дистанцию. Не говоря уж о том, что мы русские, живем в России, где принято обращаться к малознакомым людям по имени-отчеству.

– Во как! Ну, круто! Ладно, перейдем к делу. Мне нужен корпоративный директор.

– А что это такое, можно спросить?

– Ну, тебе, то есть вам, надо будет для начала заняться моим имиджем и имиджем фирмы. Познакомиться с персоналом. Ну и... следить, чтобы все соответствовало... Фирма

крупная, занимается внедрением высоких технологий в разные сферы деятельности. Слушай, а тебя мама случайно Ладкой не звала?

Я вытаращила глаза.

– Откуда вы знаете?

– Выходит, звала?

– И сейчас зовет. Но...

– Ладка, не узнаешь меня?

– Нет.

– Ох, блин! Мы же с тобой даже целовались... Не припоминаешь?

– Нет.

– Вот безголовая! – уже вовсю смеялся он. – В Гатчинском парке и в заброшенных помещениях дворца...

– Юрка! Господи, я тебя совсем не узнала! Ты такой босс...

– А ты такая фря! Ну надо же, как интересно! А я гляжу, что-то знакомое. Но вспомнить не мог, а потом ты так бровь подняла, и я сразу вспомнил. А ты шикарная баба. Ну что, пойдешь ко мне работать? А Павлик, значит, сын твоей сестры. Здорово креативный парень, между прочим. Слушай, Ладка, я рад. Здорово рад.

– Я тоже рада. Так неожиданно...

– Я тебя беру.

– Неосмотрительно.

– Почему?

– Ну, ты же ничего обо мне не знаешь еще. А просто по причине старого знакомства...

– По причине старого знакомства я скажу тебе, ты меня явно недооцениваешь. У меня есть на тебя полное досье. Просто я не помню твоей фамилии или вовсе никогда ее не знал. Когда с девчонкой в основном играешь в волейбол и целуешься по кустам, фамилии как-то не спрашиваешь. Ты ведь тоже моей фамилии не знала?

– Не знала.

– Ну так вот, я тебя беру!

Он позвонил секретарше.

– Юль, принеси два кофе.

– Ну, если ты меня действительно берешь, то я немедленно приступлю к своим обязанностям. Итак, в присутствии любого твоего сотрудника, вплоть до уборщиц, мы обращаемся друг к другу по имени-отчеству.

– Понял. Права.

– Секретарша у тебя толковая?

– Более или менее. Зато красивая.

– Ты с ней спишь?

– А это имеет значение?

– Да.

– Не понял.

– Секретаршу надо бы сменить. А за пределами фирмы делай что хочешь.

– Я все же не понял.

– Серьезные клиенты при виде такой несомненно хорошенькой девушки могут счесть тебя не слишком серьезным руководителем. Кроме того, такие юные прелестные создания, с которыми спят начальники, питательная почва для промышленного шпионажа.

– Здравсьте, приехали!

– Дело, конечно, твое. Я просто излагаю тебе свои соображения.

– А что ж мне, старую грызму в приемной посадить?

– Да. Это будет лучше. Или толкового парня.

– Я подумаю. А еще что?

– Какая у тебя машина?

– У меня несколько...

– На фирму ты на какой приезжаешь?

– На «Майбахе».

– Не годится.

– Почему?

– Провинциальные понты, Юрочка.

– Круто! А на чем же мне ездить?

– «Мерседес», «Ауди», «БМВ». Вполне достаточно.

– А ты знаешь, сколько стоит «Майбах»?

– Примерно.

– Куда ж я его дену?

– Это уже не моя проблема.

– Круто!

– Скажи, сколько человек у тебя в штате?

– Сто двадцать. С тобой будет сто двадцать один. И Юльку я пока увольнять не буду.

– Дело твое. Если ты в ней уверен...

– Уверен. Она у меня уже полтора года работает. Хорошая девка.

– Юра, я только даю рекомендации. Настаивать ни на чем не буду. Скажи, у тебя на фирме что-то не так? Зачем ты пригласил меня?

– Ну, я, как ты заметила, провинциал. И с понтами. Бывает, увлекаюсь какой-то идеей и иду напролом. Потому и добился многого. Но в последнее время напролом уже не всегда правильно. В коллективе кое-где наблюдается разброд и шатание. Он раньше работал как хорошо отлаженный механизм, а в последнее время что-то стало сбоить. Вот я и подумал... А тут Павлик предложил свою родственницу. Слушай, я забыл, у тебя в Гатчине кто-то жил?

– Мамина тетка. Она, к сожалению, в позапрошлом году умерла. А у тебя? Ты ведь тоже не местный был?

– Ага, я из Кинешмы. А в Гатчине жили отцовы родственники. А ты давно там была?

– В позапрошлом году, на похороны ездила. Это теперь такой очаровательный городок... И дворец постепенно приводят в порядок. А знаешь, я когда в парке белок кормила, вспомнила, как мы с тобой там целовались... Кто бы мог подумать, что мы еще встретимся.

– Да уж... Сюрприз! Ладно, время поджидает. Короче,

я тебя беру. Оформляйся! И завтра же приступай к работе!

Мы еще обсудили условия, которые меня вполне устроили, и я ушла.

Я прекрасно понимала, что работа предстоит нелегкая, меня непременно будут подсиживать недовольные моими рекомендациями, но это часть профессии. Никуда не денешься. И все-таки я была страшно рада.

Часть третья

В броне

- Слышь, Пашка, это правда, что Гудилина твоя родственница?
- Допустим. И что?
- Да крутая баба!
- И что?
- А сколько ей лет?
- Тебе зачем?
- Да интересно. Она вдовица, говорят.
- Слушай, отвянь, а?
- Она ничего, красивая... С такой можно...
- Можно в рыло схлопотать. Это запросто.
- Пашка, ты чего как неродной?
- Я как раз как родной, только не тебе, козлу.
- За козла ответишь!
- Хоть сейчас!
- Да ладно, охота была связываться.

Это был далеко не первый подобный разговор. Персона Лады Владимировны Гудилиной вызывала интерес и зачастую небеспочвенные опасения. Четыре человека по ее милости уже вылетели с работы. Правда, от этого был явный

толк. В отделах, откуда уволили людей, атмосфера определенно изменилась к лучшему. Однако оценить объективно эти перемены далеко не все были в состоянии. Поползли слухи, что она любовница шефа и нашептывает ему в постели свои драконовские рекомендации.

Когда этот слухок достиг ушей Пашки, он скрипнул зубами и набрал номер Лады.

– Тетка, ты можешь сегодня со мной пообедать?

– Что-то случилось?

– Есть одна темка. Но хотелось бы вне стен фирмы.

– Хорошо.

– Тогда я за тобой зайду.

– Заходи.

Они отправились в рестораник на соседней улице.

– Что стряслось, Пашенька?

– Как тебе у нас работается?

– Да нормально. Вроде моя работа приносит плоды.

А что?

– Скажи, а с Яншиным как?

– Хорошо. Очень правильный мужик. И прислушивается к советам.

– Это ты ему посоветовала сменить «Майбах» на «мерс»?

– Я. Ну, он же меня для того и нанял. И говорит, что доволен.

– А ты знаешь, ходят слухи, будто у вас роман.

– Роман? Да ты что! Нет, Пашка, нет никакого романа. Боюсь, я нескоро еще буду в состоянии завести роман. И уж точно никогда не позволю себе завести роман с руководителем, к тому же женатым руководителем.

– А кто-то слышал, что ты с ним на «ты».

– Значит, это Юля. Единственная рекомендация, к которой Яншин не прислушался.

– Ты советовала ему уволить Юльку? Он же с ней спит!

Но при чем здесь она?

– Видишь ли, Пашенька. Выяснилось, что мы с Яншиным в далеком отрочестве дружили, когда я летом жила у маминной тетки в Гатчине. Поэтому и общаемся наедине на «ты». Но только наедине. А девица, выходит, подслушивает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.